

Сукиасян Эдуард Рубенович
кандидат педагогических наук, доцент,
Заслуженный работник культуры
России,
Главный редактор Библиотечно-
библиографической классификации
(ББК),
Заведующий сектором Научно-
исследовательского центра развития
ББК (НИЦ ББК) ФГБУ «Российская
государственная библиотека» (РГБ)
E-mail Sukiasyaner@rsl.ru Тел. 8-495-
695-96-46 (сл), 8-499-129-48-21 (дом)

Таблицы Библиотечно-библиографической классификации и организация библиотечных фондов

Для какой цели разрабатываются таблицы ББК? Распространено мнение: ББК – для систематического каталога (СК). Поэтому многие могут, не подумав, задать вопрос: а что, сегодня ББК ещё существует? Ведь для поиска в электронном каталоге (ЭК) ББК теперь не используется. Там «в рамочку» надо впечатать слова. Но если библиотекарей спросить, есть ли у вас в библиотеке фонды с открытым доступом (ОД), намёк будет понят: там книги расставлены по ББК.

Во всём мире фонды в библиотеках организованы в систематическом порядке – по таблицам применяемой системы классификации. Самая распространённая в мире Десятичная классификация (ДКД) была придумана Мелвилем Дьюи именно для расстановки фонда в публичных библиотеках. В библиотеках США (как и во многих зарубежных странах) СК никогда не было, да и сегодня увидеть его сложно. В редких случаях можно увидеть СК в университетских библиотеках. И в нашей стране до Октябрьской революции системы классификации разрабатывались не для каталога, а в интересах организации фондов. Принято было считать, что с книгами читатель должен знакомиться в фонде.

С какой целью посещают библиотеки? Никто не знал – и у нас, и за рубежом – такого словосочетания: «открытый доступ». По одной причине: не было никакого закрытого доступа, закрытых фондов. Сегодня считается, с лёгкой руки журналистов: в библиотеки ходят для того, чтобы поменять взятые оттуда книги. А раз новых книг поступает мало, то на «мероприятия». Предполагается, наверное, что всё уже прочитано...

К счастью, так было не всегда. В некоторых библиотеках в момент регистрации читатель получал при записи книжечку с каталогом. Каталоги готовили и издавали крупнейшие книжные магазины. Библиотеки посещались регулярно, были местом встречи, как и книжные магазины. По воспоминаниям можно увидеть: «Во вторник, *как и в каждую*

неделю (выделено мной. – Э. С.), сразу из церкви направился я в библиотеку, *посмотреть*, что нового. *Не взял ничего, но остался крайне доволен увиденным*» [Не указываю источник умышленно. Мои студенты в Краснодаре проанализировали не только мемуарную литературу, но и художественные произведения, выявляя ключевые слова *книга* и *библиотека*. Собранный материал лёг в основу десятков курсовых работ].

Хорошо известно, что Карл Маркс на вопрос анкеты о любимом занятии ответил: «Рыться в книгах». Эти слова точно совпадают с советом выдающегося библиографа Н. А. Рубакина: «Ройся в книгах при каждом удобном случае. Старайся пересмотреть, перелистать как можно больше книг...». Так вот: публичные (общедоступные) библиотеки – не только в США, но и во всём мире всегда давали своим читателям возможность «рыться в книгах».

Хотелось выяснить у американцев, когда появился открытый доступ в США. Меня просто не поняли, попросили повторить. «А вы как представляете себе библиотеку, Эдуард? Вы – или вообще в вашей стране?» – Я, наверное, смутился. Мне объяснили: на протяжении сотен лет это были комнаты с книгами, которые хранились на полках, как правило – от пола до потолка. Если позволяла высота потолков, строились вдоль стен балкончики, как бы яруса шкафов с книгами. Наверх вели лестницы. Внизу сидел библиотекарь и были расставлены столы для читателей. Никто не называл это помещение «читальным залом». У вас и в Европе было много таких библиотек. – Да, есть и сейчас, например, в Доме учёных в Ленинграде. – В самом большом зале Библиотеки Конгресса США (под куполом первого здания) вместо стен – ярусы полок с книгами. Наверное, больше миллиона. Доступ читателей свободный, но на этажах работают сотрудники.

В публичной библиотеке не может и не должно быть «закрытых» фондов. В 1979 году в Швеции я услышал: достаточно обнаружить запертый книжный шкаф в служебном помещении, чтобы по отношению к библиотеке были применены санкции! После возвращения в Москву обнаружил в наших библиотеках массу застеклённых шкафов с ценным и фондами. Иногда сотрудники даже не знали, у кого ключи. Все могут проверить: такой шкаф, часто не один, есть в каждой библиотеке.

Меня убеждали: открытый доступ – от бога! То, что его стали закрывать – безобразная выходка библиотекарей. Это прямая, удобная и естественная форма общения читателя с книгой. Люди хотят трогать книги, рассматривать их (многие даже нюхают, пытаясь угадать бывшего владельца). Им не нужны каталожные карточки. Хотя вы каталогизатор, согласитесь – карточка никогда не заменит самой книги...

Когда у нас в стране появился «открытый доступ»? Неужели неясно: тогда, когда появился закрытый доступ: после Октябрьской революции. Не было времени провести через

цензуру Главполитпросвета все фонды. Поэтому их просто отгородили от читателей. Были неудачные попытки открыть фонды. Ограничились частью.

Почему в нашем отечестве (сначала в СССР, а затем в Российской Федерации) мы так упорно держимся за барьеры, отгораживающие фонды от читателей? Причины понятны. Основная – теснота и перегруженность помещений. Как можно пустить читателя в фонд? В интересах получения высокой категории очистить фонды радикально нельзя. Мы даже термин придумали: штабелирование. В вузовских библиотеках заштабелированы учебники. Среди них: учебники химии тех лет, когда число элементов не превышало 120. Нередко на полках лежат комментированные издания КЗОТ (сегодня у нас Трудовой кодекс). Юристы считают, что все кодексы и сборники законов устаревают в день выхода – посмотрите как активно работает Государственная Дума, дополняя и исправляя порой вчера принятый закон. Купили «Консультант-плюс». Но книги остались на полках. Они нужны только юристам – учёным и аспирантам юристам. Таких читателей обслуживают специальные библиотеки. Почему мы не чистим фонды? Пусть ответят на этот вопрос специалисты.

Почему в Европе, США, других странах достаточно иметь 1 экз. монографии, а у нас на экзemplярность влияет число студентов? Кем-нибудь подсчитывалось влияние (не знаю, положительное или отрицательное) «изобретённых» в нашей стране ЭБС на параметры фонда – количественные и качественные?

Вторая – удивительная осторожность библиотечного сообщества в установке охранных систем. Пока они приобретаются единичными библиотеками, их стоимость будет слишком высока. В США такими системами обеспечено 94-96% библиотек. А в большинстве из них система стоит не на входе, а в том помещении, где находятся фонды. В Библиотеку Конгресса США на входе проверяют, смешно сказать, зонтики. Пускают всех. С сумками и портфелями. На выходе вообще нет никакого контроля. Контроль обеспечивается в залах, где читатель работает с фондами. Видят ли наши коллеги, посещающие современные зарубежные библиотеки, что в каждой публичной библиотеке работает система предупреждения несанкционированного выноса?

Убеждение у нас такое: фонды надо хранить! И ничего больше с ними не делать. Не брать с полки. Не выдавать. Поэтому панацеей от всех бед может быть для нашего библиотекаря лишь Национальная электронная библиотека. С теми ресурсами, которые не на нашем балансе, можно делать всё, что угодно. Но ещё никто не избавился от тысяч книг, доступных в качестве электронного ресурса.

Самая главная причина – идеологическая. В советском библиотековедении, как известно, не работали с читателями, а руководили их чтением. Известно: что-то можно было читать, а что-то – нет. Практика политконтроля за выдачей книг из основного хранения

существовала в главной библиотеке страны до середины 80-х гг. Выписать книгу можно было. Но читатель приглашался на некое собеседование, целью которого было выяснение одного вопроса: зачем? Зачем он это читает? Со мной беседовали часто (я был читателем с октября 1956 г.), разговоры всегда бывали короткими: эту книгу вы не получите. Когда же я был аспирантом, написал в Главлит. Меня туда вызвали. И мне удалось доказать, что издание, о котором шла речь в моей диссертации, «закрыто» по глупости.

Сегодня я говорю не о Спецхранах. По моему мнению, научные библиотеки имеют право на фонды ограниченного пользования. У нас их «открыли», в то время как в зарубежных библиотеках они были и сохранились. Но все знающие люди со мной согласятся: был порядок. А сегодня порядка нет.

Идеология порой имеет «мирную» направленность. Мы, например, подчинились пресловутому 436-ФЗ, который определяет, что школьнику читать можно, а что нельзя. Мало кто заметил в издательствах, что закон не распространяется на классическую литературу, имеющую значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества (с. 1). У нас даже на некоторые романы Жюль Верна поставили 16+. Такой вот странный закон: ставим много плюсов, а в результате получаем мало читающее поколение с большими минусами. Дело дошло до того, что серьёзные люди собираются для обсуждения вопроса о «безопасном Интернете».

Границы выбора и пространство свободы. Ни в одной библиотеке страны нет целиком открытых фондов. Но есть масса библиотек с «целиком закрытыми фондами». Многие до сих пор считают, что открытый доступ – грамотная форма «прилавка», находящегося в советское время «в промежуточном пространстве» между сидящим за ним библиотекарем и стоящим перед ним читателем. Оба решали свои задачи. Библиотекарь: «Что бы такое дать, чтобы ушёл?». Читатель: «Что же взять интересного почитать?»...

Спасала некоторая совокупность книг, лежащих корешками наверх. «Это то, что сегодня пользуется спросом, то, что читают. Вот среди них и смотрите. Неужели ничего не нашли? За спину не смотрите, у нас там читатели не ходят. Скажите, что хотите, я вам принесу».

В 90-х годах прилавков начал прирастать полками и стеллажами. «Посмотрите налево – женские романы и эротика. Справа – фантастика и детективы. Выбор очень богатый». На полках стояли истерзанные книговыдачами книги небольшого формата. Это был период очарования «карманным форматом»: маленькие книжки без переплёта лежали везде. Стоили они дёшево, фонды быстро обновлялись. Одна книга в переплёте по психологии или компьютерам – десять «карманных». Понятно, кого предпочитает комплектатор: ведь показатели «обновления фонда» – цифровые. Анализ не требуется. Книговыдача растёт. Эдуард Тополь и Эммануэль Арсан соревновались с Валентином Пикулем. Военные мемуары теряли позиции: новых книг не писали, старые были прочитаны фронтовиками, которых

становилось всё меньше и меньше...

Сам библиотекарь каталога, как правило, не знал – и никогда им не пользовался. Каталог делали другие библиотекари, сидящие далеко от читателей, как правило, в подвале или на чердаке. «Я их в лицо не знаю, кто их делает», услышал я на абонементе. Порывшись в памяти, вспоминаю застрявшие в памяти фразы: «Куда ты посылаешь старика? Неужели же ты так плохо знаешь фонд, что не помнишь, где у нас стоит война двенадцатого года? У пола всегда стояла. Тарле толстый в переплёте, полтыщи страниц. Какого цвета? Да все они сейчас серые, в пыли. Тряпку возьми на батарее».

М. Дьюи и систематическая расстановка фондов. В университетских библиотеках фонд принадлежал факультетам, реже – кафедрам, где и хранился. Центральная библиотека имела, как правило, открытый фонд. Логика подсказывает: выгодно было хранить его в систематическом порядке.

А в публичных библиотеках? Всегда, с античных времён – в систематическом порядке. Системы менялись, но способ расстановки оставался.

У меня нет, к сожалению, первоисточника – воспоминаний американского библиотекаря Мелвиля Дьюи. Нет в наших библиотеках этой книги. Мне удалось её подержать в руках в Библиотеке OCLC в Коламбусе в 1995 г. «Десятичная классификация» родилась в результате логических рассуждений. Познакомившись с фондами публичных библиотек, Дьюи сначала записал некоторые требования к идеальной, по его мнению, системе, которую предстояло разработать. Первое: она должна быть логична и понятна не слишком образованному человеку, хотя бы для того, чтобы он мог сам ответить на вопрос, если ему будет предложен список: то, что мне надо, здесь! Соседние деления должны быть отвергнуты. Второе: эта логика должна закрепляться системой обозначений (нотацией), настолько простой и понятной, насколько это возможно – и не только для взрослого человека, но и для школьника. Третье: нельзя требовать от всех понимания логики и её связи с нотацией. Relationship (отношения) будут показаны в Relative index. Вместо «Указателя родственных отношений» М. Дьюи мы приняли другой термин: алфавитно-предметный указатель. Требование второе привело к выбору десятичной системы счисления в таком её представлении, в котором минимальное обозначение – трёхзначное. Это гениальное открытие навсегда сделало расстановку книг «по Дьюи» понятной. Ведь и школьнику понятно, что сначала идёт 327, потом 520, а уже затем 800. Попробуем убрать нули (как это сделано в УДК), и вы сразу запутаетесь: что сначала, что потом: 327, 52, 8?

Оставалось «заполнить» строчки от 000 до 999 содержанием.

Почему фонды библиотек нуждаются в постоянной «очистке». В любой зарубежной библиотеке сначала бросается в глаза обзримость её фондов. Того, что не

спрашивается, в фондах нет. Декларируемой (как у нас в ФЗ-78) «системы» фондов нет, но все знают: вот каталог **системы**, в которую входит библиотека. Нужную книгу привезут вечером или завтра. В фондах – ничего лишнего. Мы эту задачу выполнить не смогли.

Между тем – и это важно понять – мы живём с 1991 г. в другом государстве, с другой идеологией, экономикой и политикой. В аналогичной ситуации в других странах мира (например, в библиотеках ГДР – после объединения ФРГ и ГДР в единое государство) с фондами публичных библиотек была проведена колоссальная работа. Они были внимательным образом пересмотрены. Об этой работе, занявшей у немецких коллег несколько лет, есть литература. Она серьёзно не изучена. Мы, например, сохранили в фондах практически все собрания сочинений философов–классиков, изданные до начала 90-х гг. Немецкие библиотекари от них отказались, обратив внимание на предисловия, вступительные статьи, имеющие оценочные характеристики, данные философами-марксистами ГДР.

Я не призываю к «чистке фондов». Примерно с 2005 г. в наших выступлениях, связанных с новыми таблицами ББК, мы ориентируем библиотекарей страны на полное отражение в открытых фондах всей литературы, изданной с 1991 г. Исключения допустимы в отношении художественной литературы, а также отраслевой литературы по истории России до 1917 г., литературоведению, искусству, архитектуре, истории естествознания и техники. В каждой отрасли есть книги, которые относят к классическим. В наших методических материалах в качестве примера были названы имена Ч. Дарвина, Н. Н. Миклухо-Маклая, К. А. Тимирязева... Этого оказалось недостаточно. В 2007 г. я получил письмо, в котором было сказано: «Э. Р., назовите все имена! Начальник отдела культуры требует списать всю научную и научно-популярную литературу до 1991 г. Опирается на ваши рекомендации». Пришлось подключить областные структуры, вплоть до прокуратуры... Ретивого «начальника» от культуры перевели в кинофикацию. Но ведь страна большая: одни написали, а десятки, как я предполагаю, просто подчинились. Министерство культуры от выдачи рекомендаций отказалось.

И в научных библиотеках читателям удобнее знакомиться с книгами на полке, чем выписывать требование по каталогу. Даже в Библиотеке Конгресса, где основные фонды (миллионы томов) расставлены в систематическом порядке на полках во многих помещениях, нужные, спрашиваемые читателями издания стоят как бы в «боевой готовности». Как вам удаётся угадать, что отобрать в зал, а что отправить на полки? Вопрос я задавал не раз. И всегда получал один и тот же ответ: работает социологическая служба. Нет, никаких опросов. Изучается – во всех аспектах – поведение читателя берётся на учёт каждый запрос. Фонды справочной и библиографической литературы не дублируются, но читателя не

«посылают» (это категорически запрещено). Вместе с ним ходит Reference librarian. Читатель, ведущий поиск в каталоге, не всегда разберётся в служебных пометках. Очень интересно наблюдать: как только уходит с читателем один библиотекарь, тут же на кафедре появляется другой, готовый его выслушать и помочь. Сравните: у нас с появлением ЭК во многих библиотеках сократили штат консультантов...

Почему нам нужна систематика в открытом доступе? Все понимают, наверное, что по ключевым словам (или по предметным рубрикам) фонды организовать невозможно. Но, может быть, просто поставить их по авторам? Или по годам? И вообще: по мере накопления новые класть сзади?

Теперь все мы оказались вовлечёнными в игру с ключевыми словами: ЭК у нас заражены болезненной простотой поисковой операции «Впишите в рамочку слова». О связях ключевых слов (и других инструментов вербального поиска, например, предметных рубрик) с классификационными индексами никто не подумал. Проще уничтожить (вариант: законсервировать, убрать – неизвестно, куда) СК и забыть о связи с фондом. Результат: читатели лишены классификационного поиска. Если индекс есть в формате, кто мешает по запросу выдавать все записи, имеющие этот индекс?

Нет необходимости особо подчёркивать: мы рождаемся, обучаемся, воспитываемся систематизаторами. Систематизация окружающего мира для каждого из нас – процесс естественный. Школьные «предметы» – на самом деле и не предметы (тем более – не ключевые слова). Это отрасли знания: литература, математика, естествознание и так далее. То, что находится выше или ниже, отражает родо-видовые связи. Могу предположить, что 100% школьников не отнесут физику, химию, биологию ни к медицине или сельскому хозяйству, а твёрдо выберут естественные науки, естествознание. Исследования показали: только одна область естествознания (математика) часто вызывает затруднения.

Все ступени образования (дошкольная, школьная и т.д.) воспитывают классификационное мышление. Уже ребёнок должен уметь выявить признак, основание деления. Школьнику становится ясно, какой признак совпадает у литературы и истории, у истории и географии. Развитие человека во многом определяется его классификационными способностями. Поэтому «рыться в книгах» – естественная потребность каждого читателя.

Ясно: систематическая организация фонда должна быть признана основной. Исключения допустимы. Например, для художественной литературы (крупные разделы в алфавите авторов, без разделения по странам), периодики, справочников и энциклопедий, отраслевой литературы с региональным признаком (расстановки по странам), книжных серий (ЖЗЛ, «Повседневная жизнь», «Литературные памятники» и др.). В открытом доступе сегодня должны стоять планы городов, карты, атласы, путеводители для туристов.

Сокращённые таблицы ББК – специальное издание для систематической организации фонда. Эта книга – для читателей, а не только для библиотекарей.

20.08.2017